

УДК 343.211.5
ББК 67.408.0

К ВОПРОСУ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕДОБРОСОВЕСТНОЕ ПОЛЬЗОВАНИЕ ПРАВОМ НА ОБРАЩЕНИЕ В СУД¹

В.Г. Пономарев

В статье проводится анализ наиболее типичных форм процессуальных злоупотреблений, допускаемых при обращении в суд. Автор приходит к выводу, что некоторые из них по способу воздействия на общественные отношения достигают уровня опасности, свойственного преступлениям. В этой связи в статье ставится вопрос о достаточности уголовно-правовых средств для борьбы с такими проявлениями недобросовестного пользования гражданскими процессуальными правами.

Ключевые слова: злоупотребление правом, субъективное право, право на судебную защиту, борьба с правовыми злоупотреблениями, обращение в суд, недобросовестное пользование правом, криминальные формы злоупотребления правом, правосудие.

Провозглашая в своей Конституции права и свободы человека и гражданина высшей ценностью (ст. 2), констатируя их непосредственно действующий характер (ст. 18), Российское государство создает для этого и определенную систему правовых гарантий. Ведущей из них является сам факт существования самостоятельного и независимого суда, основное назначение которого – обеспечить защиту гарантированных Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина (п. 1 ст. 46).

Развивая положение Основного Закона РФ о праве на судебную защиту, п. 1 ст. 11 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), устанавливает, что защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав осуществляет суд в соответствии с подведомственностью дел, установленной процессуальным законодательством.

Исходя из установленной процессуальным законодательством подведомственнос-

ти дел, защита гражданских прав в нашем государстве осуществляется системой судов общей и арбитражной юрисдикции. В этой связи нормы, регламентирующие механизм реализации права на судебную защиту, естественно, сгруппированы в отраслях гражданского процессуального и арбитражно-процессуального права.

Согласно ч. 1 ст. 3 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ), заинтересованное лицо вправе в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве, обратиться в суд за защитой нарушенных либо оспариваемых прав, свобод или законных интересов. Аналогичное положение закреплено и в арбитражном процессуальном законодательстве (ч. 1 ст. 4 Арбитражного процессуального кодекса РФ).

Приведенные отраслевые нормы, корреспондирующие с положениями ст. 46 Конституции, означают (в их конституционно-правовом истолковании), что право на обращение в суд всегда является целевым, поскольку призвано обеспечить защиту *нарушенных* либо *оспариваемых* прав и законных интересов. Иначе говоря, судебная защита субъективного права гарантируется и предоставляется только тогда, когда, во-пер-

вых, такое право существует в действительности и принадлежит субъекту, обращающемуся в суд, и, во-вторых, имеющееся у заявителя право нарушено или же оспаривается иными лицами.

Необходимо учесть при этом положение п. 2 ст. 45 Конституции РФ, предоставляющее каждому право защищать свои права и свободы только теми способами, которые не запрещены Законом.

Следовательно, реализация права на судебную защиту, осуществляемая с иной целью, нежели защита действительно нарушенного или оспариваемого права, недопустима с точки зрения ч. 1 ст. 3 ГПК РФ (ч. 1 ст. 4 АПК РФ) и представляет собой неправомерное с позиции Основного Закона РФ, мнимое правопользование, осуществляемое лишь для видимости, не в соответствии с его назначением, для иных целей. В таком случае уместно квалифицировать такого рода использование права на судебную защиту в качестве злоупотребления субъективным правом. Поскольку злоупотребление правом большинством современных ученых рассматривается как правонарушающее поведение [2, с. 17], то и обращение в суд, преследующее цели, не связанные с защитой нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов, следует признать противоправным.

Любое обращение в суд, независимо от его цели, начинается с акта предъявления иска (заявления), который, как пишет Е.Я. Мотовиловкер, выполняет роль условия, необходимого для реализации возникшего из гражданского правонарушения права на удовлетворение иска [3, с. 130]. Следовательно, искажение сущности права на обращение в суд за защитой материальных субъективных прав либо законных интересов ведет к искажению сущности последних, а потому является злоупотреблением «вдвойне».

Исследуя виды процессуальных злоупотреблений, применительно к праву на обращение в суд А.В. Юдин, основываясь на изысканиях искового прошения, выделил следующие разновидности недобросовестного предъявления иска: иск с пороком цели, времени, повода предъявления, субъекта, основания, формы иска, волеизъявления истца при

предъявлении иска, а также искового требования в целом [8, с. 185].

Используя данную классификацию, попытаемся определить характер и степень вредоносности отдельных правовых злоупотреблений в указанной сфере.

Прежде всего, следует остановиться на так называемых «корыстных исках», то есть обращениях к суду, преследующих цель заведомо неосновательного приобретения материальных выгод и преимуществ.

Как отмечено А.В. Юдиным, типичными примерами предъявления корыстных исков являются встречающиеся в судебной практике случаи, когда, получив обратно ранее взятые у него в долг денежные средства и осознавая отсутствие у заемщика доказательств возврата долга, лицо обращается в суд за его принудительным взысканием [8, с. 186]. Иными словами, поданный иск не основан на действительном праве требования.

Из опыта работы адвокатом автору стал известен и такой случай, демонстрирующий недобросовестное пользование лицом правом на обращение в суд.

Б. инвестировал имеющиеся у него денежные средства в предпринимательскую деятельность Н., занимавшейся цветочным бизнесом. В период 2010–2011 гг. он передал ей на развитие бизнеса денежные средства на общую сумму 400 000 рублей. Передача денег оформлялась долговыми расписками Н., где она приняла на себя обязанность вернуть Б. переданные в долг деньги и уплатить проценты. Часть денежных средств в размере 180 000 руб. Н. возвратила, однако каких-либо документов в подтверждение возврата не потребовала. В начале 2012 г. дела Н. резко пошли на спад, деятельность по торговле цветами стала убыточной. В результате у Н. образовалась огромная по ее меркам задолженность перед третьими лицами. Отчаявшись вернуть заемные средства, Н. покончила с собой. После смерти Н. открылось наследство, состоящее из двухкомнатной квартиры. Воспользовавшись ситуацией, имея на руках расписки Н., подтверждающие наличие долга, понимая, что доказательства возврата долга отсутствуют, Б. обратился в суд

с иском о взыскании задолженности Н. в размере 400 000 руб. за счет наследственного имущества.

Как видно из приведенной ситуации, внешне форма и содержание обращения к суду соответствует требованиям процессуального закона. Более того, подобные иски чаще всего судом удовлетворяются.

Вместе с тем подобные злоупотребления с неизбежностью причиняют имущественный вред лицам, обязанным в силу судебного решения возратить несуществующую задолженность.

Похожая ситуация возникает и тогда, когда вынесение благоприятного судебного решения порождает у злоумышленников определенные имущественные права. Сказанное прежде всего относится к случаям обращения в суд с исками о предоставлении благоустроенного жилого помещения льготных категорий граждан (судей, прокуроров, участковых и т. д.). Данные лица в случае их нуждаемости в улучшении жилищных условий наделены жилищным законодательством правом на внеочередное предоставление жилых помещений. Таким правом в 2004–2006 гг. на территории Волгограда воспользовалось внушительное количество работников правоохранительных органов. Большинство полученных таким образом жилых помещений впоследствии было приватизировано и отчуждено. Конечно же, ничего противоправного в таких действиях нет. Однако практике известны случаи, когда упомянутые категории граждан после назначения их на должность в другую местность вновь требовали предоставления им жилых помещений, умалчивая при этом о состоявшемся ранее предоставлении жилого помещения по прежнему месту работы и его последующей продаже [4, с. 10].

Наконец, относительное распространение за последнее время получили и такие случаи недобросовестного пользования правом на обращение в суд, как признание права на приватизацию жилых помещений лицами, совместно проживавшими с умершим нанимателем в качестве членов его семьи, которые в действительности ими не являлись. Результатом таких действий является незаконное выбытие жилых помещений из муниципальной собствен-

ности и передача их в собственность лиц, злоупотребивших правом на судебную защиту.

Все вышеперечисленные деяния подрывают отношения собственности, поскольку направлены на перераспределение имущества, находящегося до обращения в суд в законном пользовании других лиц.

Данное обстоятельство с учетом значимости нарушаемого объекта и противоправности совершаемых деяний заставляет задуматься об уголовно-правовой оценке описанных посягательств.

На первый взгляд, рассматриваемые деяния можно расценить как хищения чужого имущества, совершенные путем обмана, ответственность за которые предусмотрена ст. 159 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ). На это указывают объект и предмет посягательства, а также способ и цель его совершения.

Кроме того, подобный вывод можно было бы сформулировать, истолковав п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», в котором, в частности, указано, что мошенничество следует считать оконченным со дня вступления в силу судебного решения, которым за лицом признается право на имущество [5].

Как квалифицированное мошенничество рассматривает данные деяния и УК Испании. «Мошенничество, – сказано в п. 1 § 1 ст. 250 УК Испании, – наказывается тюремным заключением на срок от одного года до шести лет и штрафом на сумму от шести до двенадцати месячных заработных плат, если оно было осуществлено посредством притворной тяжбы или другого обмана в процессе» [6, с. 81].

Однако детальный анализ приведенных проявлений общественно-опасного поведения участников гражданского процесса позволяет выявить их существенное различие не только с мошенничеством, но и с хищениями в целом.

Во-первых, обман, как способ неправомерного завладения чужим имуществом, при мошенничестве направлен на лиц, владеющих имуществом либо уполномоченных на распоряжение этим имуществом. Иначе говоря, специфика мошеннического обмана заключает-

ся во введении в заблуждение лиц, наделенных правомочиями владения, пользования и распоряжения имуществом (ст. 209 ГК РФ).

В рассматриваемых случаях в заблуждение вводится суд, который, по объективным причинам, полномочиями собственника спорного имущества обладать не может.

Во-вторых, передача имущества виновному при мошенничестве носит добровольный характер, в то время как исполнение судебного решения подкреплено мерами государственного принуждения.

В-третьих, передача права на имущество при хищении происходит непосредственно от потерпевшего к виновному. Такое утверждение можно сделать из содержащегося в примечании к ст. 158 УК РФ определения хищения как противоправного безвозмездного изъятия и обращения имущества в пользу виновного или других лиц.

Вполне очевидно, что во всех приведенных случаях изъятие и передача имущества (права на имущество) происходило опосредованно. При этом наблюдаемая форма получения права на имущество не укладывается в законодательные рамки посредственного исполнения преступления, установленные ч. 2 ст. 33 УК РФ.

Изложенное, думается, препятствует уголовно-правовой оценке рассматриваемых посягательств как хищения чужого имущества.

Вряд ли оспоримо при этом, что в результате таких посягательств всегда страдают и отношения, обеспечивающие познавательную правоприменительную деятельность суда. Ведь сокрытие от суда истинных целей реализации права на судебную защиту, опосредованное обращением, основанном на не существующем в действительности, незаконном, а потому не подлежащем защите праве, неизбежно искажает результат гражданского процесса, поскольку исключает возможность установления истины по делу.

Стоит иметь в виду и то, что достижение желаемого корыстного результата при изложенных выше обстоятельствах во внесудебном порядке исключается. Отсюда интересы правосудия, к которому прибегают недобросовестные правопользователи и которое в итоге страдает от процессуального злоупотребления, занимают ведущее место среди нару-

шенных благ, а потому являются основным непосредственным объектом рассматриваемого посягательства.

Вместе с тем в гл. 31 действующего Уголовного кодекса РФ норма, которая позволяла бы привлечь к ответственности лиц, использующих право на предъявление иска в корыстных целях, отсутствует.

Полезным в плане конструирования возможной нормы об ответственности за злонамеренное введение в заблуждение суда видится опыт Республики Сан-Марино, ст. 359 Уголовного кодекса которой предусматривает наказание в виде тюремного заключения для сторон, дающих ложные показания в гражданском процессе [7, с. 226].

От закрепленного в ч. 1 ст. 3 ГПК РФ и соответствующей норме АПК РФ (ч. 1 ст. 4 АПК РФ) права на судебную защиту производны и иные права участников процесса, так или иначе связанные с обращением в суд.

Сказанное прежде всего касается права на пересмотр судебных актов в порядке апелляционного и кассационного производства, а также в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам.

Если процессуальные злоупотребления, допускаемые участниками процесса при реализации ими права на проверку законности постановленных по делу судебных актов в порядке апелляционного, кассационного и надзорного производства (подача различающихся по форме необоснованных жалоб), не влекут нарушения охраняемых уголовным законом интересов, в силу чего не представляют общественной опасности, то обращение в суд с заявлением о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам иногда таким признаком преступления обладает.

Так, решением Новопокровского райсуда Краснодарского края от 21 декабря 2011 г., оставленным без изменения апелляционным определением Краснодарского краевого суда от 13 марта 2012 г., Б-ву отказано в иске к П-ной о признании незаконным как безденежного совершенного между ними договора займа.

В июне 2012 г. Б-в обратился в суд с заявлением о пересмотре ранее принятого по делу решения по вновь открывшимся обстоя-

тельствам, указав, что 11 марта 2012 г. от ответчицы П-ной в Краснодарский краевой суд поступило заявление, в котором последняя признает фактические обстоятельства, положенные в основу иска, и признает исковые требования в целом.

Обнаружив данное заявление в материалах дела, 14 августа 2012 г. суд вынес определение, которым решение того же суда отменил по вновь открывшимся обстоятельствам, назначив рассмотрение дела по существу.

Узнав о состоявшемся по делу судебном постановлении, П-на обратилась в суд с частной жалобой, в которой указала, что заявление, датированное 11 марта 2012 г. и выполненное и подписанное якобы ею, в действительности никогда ни ею, ни с ее ведома не писалось, не подписывалось и в суд не сдавалось. Указанные действия были совершены Б-вым, поскольку только он имеет противоположный интерес к предмету спора [1].

Приведенный пример наглядно иллюстрирует злоупотребление правом на обращение в суд с заявлением о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам, сопряженное с искусственным созданием повода для такого обращения.

Поскольку сфальсифицированное заявление ответчицы о признании иска доказательством по гражданскому делу либо официальным документом не является, законные основания для привлечения Б-ва к уголовной ответственности по ст. 303 либо по ст. 327 УК РФ отсутствуют.

Таким образом, какой-либо материально-правовой основы для квалификации содеянного Б-вым как преступления действующее уголовное законодательство не содержит.

Однако, как можно судить из приведенного описания обстоятельств дела, содеянное истцом не только ввело в заблуждение суд относительно действительности существования повода для пересмотра судебного акта, но и привело в конечном итоге к принятию незаконного судебного постановления, потребовало от государства значительных временных затрат на рассмотрение и разрешение

поданного истцом заявления, а также частной жалобы на вынесенное по его результатам определение суда.

Подводя итог сказанному, следует заключить, что все вышеуказанные случаи общественно-опасного злоупотребления правом на обращение в суд заслуживают пристального внимания представителей отечественной науки уголовного права на предмет выработки обоснованных предложений по их криминализации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 12-03-00656.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив Новопокровского районного суда Краснодарского края. Дело № 2-286/2011.
2. Волков, А. В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Волков Александр Викторович. – М., 2010. – 54 с.
3. Мотовиловкер, Е. Я. Право на иск: материальная природа и процессуальные условия реализации / Е. Я. Мотовиловкер // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Вып. 14. Актуальные проблемы юридического процесса / под ред. Н. Н. Тарусиной, М. В. Лушниковой, В. В. Бутнева, Р. Н. Ласочкиной. – Ярославль : ЯрГУ, 2010. – С. 118–132.
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25 февраля 2003 г. // Бюллетень Верховного суда РФ. – 2003. – № 10.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета. – 2008. – 28 янв.
6. Уголовный кодекс Испании / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и Ф. М. Решетникова. – М. : Зерцало, 1998. – 218 с.
7. Уголовный кодекс Республики Сан-Марино. – СПб. : Юридически Центр Пресс, 2002. – 253 с.
8. Юдин, А. В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве / А. В. Юдин. – СПб. : Издат. дом. С.-Петербург. гос. ун-та, 2005. – 360 с.

**THE ISSUE OF ESTABLISHING CRIMINAL LIABILITY FOR UNFAIR USE
OF THE RIGHT TO JUDICIAL RECOURT**

V.G. Ponomarev

The analysis of the most typical forms of the procedural abuses allowed at a reference to the court is carried out in the article. The author comes to a conclusion that some of them on a way of impact on the public relations gain level of the danger peculiar to crimes. In this regard in article the attention to the question of sufficiency of criminal and legal means for fight against such manifestations of unfair using by civil procedural laws is focused on.

Key words: abuse of right, subjective right, right to judicial protection, fight against legal abuses, appeal in court, unfair use of right, criminal forms of abuse of right, justice.